

ФИЛОСОФИЯ ВСЕЕДИНСТВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО¹

Т.А. КАСАТКИНА

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН

Аннотация: Принято говорить о влиянии философских идей Соловьева на Достоевского. Но философия всеединства – исконная интуиция писателя, обнаруживаемая в его текстах задолго до того, как у юного Соловьева появились философские идеи. Достоевский говорит о всеединстве не как о заданном (как это делает Соловьев), но как о данном; «эгоистическое» состояние человека, с его точки зрения – ошибка восприятия того, кто видит как реальность лишь «насушное видимо-текущее», но не опознает в ней «концов и начал». Ошибка восприятия касается не столько связности/отказа от связности всего со всем, как у Вл. Соловьева, сколько видения человеком своего собственного размера и конфигурации.

Ключевые слова: Достоевский, Вл. Соловьев, проблема влияния, философия всеединства, функция воли, «Братья Карамазовы», Элевсинские мистерии.

«Философия всеединства» для русскоязычного читателя практически автоматически ассоциируется с именем Владимира Соловьева. И ее очевидное присутствие в последнем романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» обычно связывают с влиянием, оказанным философскими воззрениями Соловьева на творчество Достоевского².

Полагаю, однако, что все происходило совсем иначе. Чтобы начать это видеть – достаточно вспомнить и держать в голове, что в момент встречи Достоевского и Соловьева первому было примерно 52 года и он был прирожденным философом, что очевидно еще в его юношеских, семнадцатилетних, письмах, – а второму было всего 20 лет, и все его достоинство (немалое, особенно учитывая возраст) на тот момент заключалось в том, что его заботили те же философские проблемы (по меньшей мере – он, безусловно, оказался к ним восприимчив), что и старшего товарища, и

что ту философию, которую внутренне проживал и делал основой своих художественных текстов пятидесятилетний писатель, юный философ стал пытаться излагать дискурсивно³.

Кроме того, нужно заметить, что идея влияний чрезвычайно проблематична вообще – и особенно проблематична в случае Достоевского (как и других великих мыслителей, в высшей степени оригинальных, даже если исследователям удастся проследить «заимствования» всех составных частей их учений). Здесь нужно вспомнить фразу: «Я беру *мое* добро там, где его нахожу» и сделать акцент на слове «мое». Мыслитель не заимствует – он, самое большее, радостно обнаруживает сродные ему, его собственные мысли, удачно сформулированные другим – и заимствовать чего-либо действительно чужого он совершенно не в состоянии. В изложении Соловьева Достоевский приветствовал свои собственные мысли.

В известном письме Н.П. Петерсону по поводу учения Н.Ф. Федорова Достоевский напишет: «Затем скажу, что в сущности совершенно согласен с этими мыслями. Их я прочел *как бы за свои*» (30₁, 14)⁴. Вот только такие мысли, *прочтенные за свои*, и имели шанс проявиться в творчестве писателя. То, как Достоевский продолжает это письмо, наглядно показывает, что он видит здесь случившуюся встречу единомышленников, а вовсе не учеников и учителей, имеющих сообщить друг другу нечто новое и невиданное: «Сегодня я прочел их (анонимно) Владимиру Сергеевичу Соловьеву, молодому нашему философу, читающему теперь лекции о религии <...> Он глубоко сочувствует мыслителю *и почти тоже самое хотел читать в следующую лекцию*» (30₁, 14).

Соловьев стал одним из любимых собеседников Достоевского именно потому, что молодой человек оказался его *сомысленником* в вещах, ко-

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17–18–01432).

² Этот тезис прозвучал и на международной конференции «Литература и религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века: к 165-летию Вл. Соловьева», на основе которой выпущен этот сборник, в докладе С.А. Кибальника «Теократический идеал Вл. Соловьева и роман Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы”».

³ О проблеме влияния в этой паре недавно опубликована статья, разбирающая, в том числе, и историю возникновения идеи влияния Соловьева на Достоевского. См.: *Прийма И.Ф.* Достоевский и Соловьев: проблема влияния // Вестник МГОУ. Сер.: Русская филология. 2016, № 3. С. 94–104. <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/11226> Из этой статьи тоже видно, что идея заимствования появляется исключительно в голове исследователя, отчетливо видящего прямое дискурсивное высказывание и не очень способного считать то, что иным образом выражено в художественном тексте.

⁴ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Здесь и далее том и страница указываются в тексте в скобках после цитаты. Выделение в цитатах курсивом и курсивом+полужирным – сделано мною. Выделение полужирным – курсив цитируемого автора.

торые для Достоевского были важнейшими и фундаментальными основами его мировоззрения, которые Достоевский продумывал уже на протяжении длительного времени (практически – с начала своей литературной деятельности, с романа «Бедные люди»⁵) и о которых поговорить прямо и вне художественных текстов было особенно и не с кем. Надо отметить при этом, что Достоевский продумывал эти вещи, на мой взгляд, на более глубоких уровнях, чем не только ранний, но даже и поздний Соловьев.

Укажу для начала, что в «Чтениях о богочеловечестве» Соловьев говорит, что фундаментальный разлад, который происходит в мире, движение к разделению, к отделению от целостности, от *всего*, случается в результате интенций и действий *мировой души*, которая, соответственно, и несет ответственность за происходящее. Она соблазнилась идеей *иногo владения вещами этого мира*, которые и так ей принадлежали, – но ей захотелось владеть ими *иным образом*. И, собственно, лишь в процессе восстановления отпавшего в результате падения мировой души мира появляется человек как воссоединение, впервые произведенное, логоса с природным началом⁶.

Уже из сказанного понятно, почему правы были те, кто говорил, что идеи Владимира Соловьева отразились в идеях Ивана Карамазова – ибо этот восходящий вектор движения, это человечество, которое выстраива-

⁵ Эпиграф к «Бедным людям» был взят из повести В.Ф. Одоевского «Живой мертвец» – а вот как главную мысль своей повести высказывает сам автор повести в вымышленном эпиграфе к ней: «Скажите, сделайте милость, как перевести по-русски слово солидарность (solidaritas)?»

– Очень легко – *круговая порука*, – отвечал ходячий словарь.

– Близко, а не то! Мне бы хотелось выразить буквами тот психологический закон, по которому ни одно слово, произнесенное человеком, ни один поступок не забываются, не пропадают в мире, но производят непременно какое-либо действие; так что ответственность соединена с каждым словом, с каждым, по-видимому, незначимым поступком, с каждым движением души человека» (Одоевский В.Ф. Повести и рассказы. Примечания Е.Ю. Хин. ГИХЛ, 1959). Таким образом, мысль, заявленная подспудно Достоевским еще в «Бедных людях», окончательно и очевидно для читателя – ибо практически дискурсивно – была раскрыта лишь в «Братьях Карамазовых», где Достоевский изо всех сил стремился «высказаться весь» – то есть не оставить читателю возможности так легко не воспринимать/искажать важнейшие мысли автора, как это обычно происходило по отношению ко всем предшествующим его текстам.

⁶ См.: Соловьев Вл. Чтения о богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров...»: Краткая повесть об Антихристе. Сост. и примечания А.Б. Муратов. СПб.: Художественная литература, 1994. С. 156–164.

ет свое движение к Богу и идет к Нему в поисках мировой гармонии, выражены в философии Ивана вполне отчетливо. Человек не виновен в том, что произошло (во всяком случае – не *априорно* виновен) – он есть, напротив, некий *способ* восстановления первоначального единства, разрушенного не им, – и именно от такого «мира Божьего» отказывается Иван, заявляя, что не должен неповинный расплачиваться за сделанное другими.

Для Достоевского же вообще все принципиально иначе. И если мы вспомним о тех черновых записях, которые представляют собой первоначальный набросок философии всеединства Достоевского (хотя философия эта вполне отчетливо выражалась и в опубликованных «Зимних заметках о летних впечатлениях»): «Маша лежит на столе, увижусь ли с Машей...» и «Социализм и христианство», то мы увидим, в чем эти исходные позиции различаются.

В одном из писем Достоевский говорит, что социализм и христианство – антитезы (см.: 29, 262). Он имеет в виду, что они исходят из противоположных базовых принципов – и эти разные принципы им проговорены как раз в упомянутых двух черновых текстах. Социализм исходит из предпосылки, что все есть *отдельные*. И этих отдельных нужно соединить в некую общность. Достоевский исходит из того (и христианство, с точки зрения Достоевского, исходит из того), что первично *всё/все*. Всё и все – это синонимы в идиоматике Достоевского, и это, собственно, то, что единственно реально, потому что отдельное, уединенное существование вещей, с точки зрения Достоевского, не есть некая данность – как она все же *данность* (искажающая идеал) с точки зрения Вл. Соловьева – а есть *ошибка* зрения, *ошибка* восприятия и понимания. Отдельное существование заключенных в себе эгоистических единиц – это просто невидение своего настоящего положения, непонимание своей настоящей природы. Это та резкая редукция, которую претерпевает существо, начавшее видеть себя в очень ограниченном объеме, на слишком небольшой глубине.

Если мы посмотрим на пальцы (или если пальцы посмотрят на себя), не принимая во внимание соединяющую их ладонь, – мы увидим (они увидят) отдельные объекты. Вот это невидение пальцами того, что они – части ладони, а дальше вместе с ладонью часть всего организма – это и есть состояние современных людей по Достоевскому.

Дело не в наличии *другого* способа бытия (как получается по Соловьеву) – дело в *неведении о наличном способе бытия*. Важно при этом отметить, что идеал, согласно Достоевскому (и согласно фундаментальному принципу христианства, о чем неоднократно было сказано самыми

разными христианскими авторами как Востока, так и Запада), – это не нечто отсутствующее в реальности, а нечто наличествующее в реальности. Для христианства невозможно помыслить идеал вне воплощения – потому что оно все о том, что самый высокий мыслимый идеал – уже воплощен. И грех – «промах» по-гречески – это не осуществление другого способа бытия – это промахивание *мимо* бытия, непопадание в бытие. Таким образом, для Достоевского идеал – не нечто, к чему нужно идти с усиленным напряженным постоянством, не некий вектор движения, не некое преобразование того, что здесь дано «в иной конфигурации» (как это будет у Соловьева), а проявление, видение того, что уже налично, но перестало (или так и не стало) восприниматься в силу некоторых ошибок, которые совершены самим человеком.

То, что у Соловьева совершает мировая душа, то у Достоевского (как и в христианстве) совершает человек в момент своего грехопадения, сам говоря: «я – отдельный». В словах Адама «жена, которую Ты мне дал, она мне дала, и я ел» как раз и выражено резкое сужение восприятия себя человеком, видящим себя отныне в границах «одежд кожаных», отдельно от Бога и от ближнего; прекращение восприятия «другого» как себя же самого, перенос ответственности и вины на другого, потому что он теперь «отдельный», «не я».

Для Достоевского существование современного человека в «период уединения», как он назовет это состояние в «Братьях Карамазовых» отчетливо и многократно, – это существование внутри той ошибки зрения, когда человек не видит своих собственных границ и не понимает своих собственных размеров – потому что размер человека – это размер всего человечества, а его границы – это границы вселенной. В черновой записи «Маша лежит на столе...» это им отчетливо уже выражено, Достоевский говорит там об идеальном состоянии человечества: «Мы будем – лица, не переставая сливаться со всем...» (20, 174; заметим, что здесь еще звучит «будем», гораздо более солидарное с видением Вл. Соловьева, чем решительное авторское «есть» «Братьев Карамазовых», где «будем» всецело отдано Ивану Карамазову⁷).

Именно поэтому Мережковский скажет о Достоевском, что за последние пятнадцать веков лучше него никто не говорил об Элевсинских мистериях. В центре романа «Братья Карамазовы» находится обращение к

⁷ См. об этом подробнее: Касаткина Т. Священное в повседневном. Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 305 и далее.

Элевсиниям, а Элевсинии – это тоже история о воспоминании человеком своего истинного масштаба и конфигурации: о том, что человек видит свой истинный масштаб и границы тогда, когда он видит себя как некий фокус единого человечества, и каждую из личностей видит таким же фокусом этого единого тела (что-то вроде сферы, центр которой везде (по-скольку каждая личность – ее центр), а периферия нигде).

Именно в силу такого видения (и без этого видения вообще нельзя понять, что имеется в виду) старец Зосима говорит: «Каждый перед всеми за всех виноват» – фразу, которая вызывала наибольшее количество претензий к Достоевскому в самых разных аспектах. Фразу эту можно понять, лишь учитывая, что здесь тело человечества – это не соборное/сборное тело, это не общность, в которой каждый – ее элемент и часть⁸. Это, напротив, раздвижение размеров каждого человеческого тела и человеческого восприятия до пределов *всего*. Каждый не входит в состав всего – наоборот, *все* входит в состав каждого⁹. Каждый становится всечеловеком, доходя до своих естественных границ, обретая наконец истинный свой масштаб, можно сказать, разглядев и ощутив наконец истинный свой масштаб – потому что он никогда и не был меньше, никогда не был отличен от *всего*, исключен из *всего* – он просто ошибался в восприятии себя самого – и это обретение своего истинного масштаба Алейшей отчетливо и очень *технично*, а вовсе не романтично показано в конце главы «Кана Галилейская».

⁸ Как это все же получается у Вл. Соловьева, например, здесь: «Остановливая же свою волю на самой себе, сосредоточиваясь в себе, она отнимает себя у всего, становится лишь одним из многих. Когда же мировая душа перестает объединять собою всех – все теряют свою общую связь, и единство мироздания распадается на множество отдельных элементов, всемирный организм превращается в механическую совокупность атомов. Ибо все частные, особенные элементы мирового организма, сами по себе именно как особенные (каждый как “нечто”, а не все, как “это”, а не другое), не находятся в непосредственном единстве друг с другом, а имеют это единство лишь посредством мировой души, как общего их средоточия, всех их в себе заключающего и собою обнимающего» (Соловьев Вл. Указ соч. С. 164).

⁹ Собственно, здесь очевидно, что Достоевский блистательно решает проблему, так сформулированную В.В. Зеньковским, описавшим радикальный разрыв между идеей сохранения индивидуальности в вечности и необходимостью всеобщности: «Истина лежит, очевидно, в таком понимании индивидуальности, которое не ведет ни к метафизическому плюрализму, ни к деперсонализации человека» (Зеньковский В.В. Основы христианской философии. М.: Изд. Свято-Владимирского Братства, 1992. С. 96).

Только при таком восприятии вина за другого начинает *технически* быть очевидна, потому что здесь дело, если угодно, в том, чтобы перехватить управление, перевести его в свой фокус в тот момент, когда другой (другой фокус управления в этом едином человеческом теле) начинает *ошибаться*, то есть грешить – грех – это и есть *огрех*, ошибка, непопадание, *промах* (это об этом: «мог светить как единый безгрешный»).

Именно таким образом Достоевский и видит возможности преобразования «социума» – для него почти нет идеи «общего дела», или, вернее, она сразу осмыслена им как почти утопическая в силу невозможности одновременного осознания единой задачи человечеством; для Достоевского, напротив, чрезвычайно важна – и она будет проходить через весь «Дневник писателя» – идея того, как может быть силен один человек.

Заметим, что в этом вопросе – вопросе о значении индивидуальной воли – Достоевский опять резко расходится с Соловьевым.

Для Соловьева в идеальном состоянии для человека «погасает мучительный огонь личной воли»¹⁰.

Для Достоевского, напротив, *сконцентрированная и усиленная воля одного человека становится главным движителем общего преображения*, и эта идея является основополагающей для «Дневника писателя» и начинается буквально с первого номера 1876 года, который представляет собой предисловие и политическую, философскую, социологическую декларацию о намерениях. Первый номер, кроме прямо декларирующего эту идею «Золотого века в кармане», содержит и рассказ о маленьком человеке, который жил-жил и умер, и, по видимости, тут и заключена вся его биография. А между тем «этот скромный и молчаливый человек до того страдал душой всю жизнь свою о крепостном состоянии людей, о том, что у нас человек, образ и подобие Божие, так рабски зависит от такого же, как сам, человека, что стал копить из скромнейшего своего жалования, отказывая себе, жене и детям почти в необходимом, и по мере накопления выкупал на волю какого-нибудь крепостного у помещика, – в десять лет по одному, разумеется. Во всю жизнь свою он выкупил таким образом трех-четырех человек и, когда помер, семье ничего не оставил». Он думал, «что одним мельчайшим *частным случаем* может побороть всю беду». И, заключает автор: «Я ужасно люблю этот комический тип маленьких человечков, серьезно воображающих, что они своим

¹⁰ См: Соловьев Вл. Указ. соч. С. 152–153.

микроскопическим действием и упорством в состоянии помочь общему делу, *не дожидаясь общего подъема и почина*» (22, 25).

Достоевский тонко внутри текста подводит читателя к той мысли, что именно в результате того, что в сороковые годы XIX века, этот «идеалист сороковых годов» следовал самому истинному и глубинному желанию и движению своего сердца, через двадцать лет вся Россия как один человек встает и освобождает своих крепостных.

Вот, собственно, каким образом, по Достоевскому, действует эта целостность человечества как единого человека с разными фокусами восприятия.

То же самое будет составлять главную мысль «Сна смешного человека», где Достоевский пытается показать ту же идею от противного – потому что наше сознание гораздо легче воспринимает, что малое может испортить все, что один может заразить всех (что мы видим в жизни хоть на примере ежегодных эпидемий гриппа – то есть – регулярно). А вот идея того, что один может стать источником всеобщего выздоровления для нас не так очевидна, хотя логически она вытекает из возможности воздействовать на человечество отрицательным образом. Восстановление происходит так же, как разрушение – если одна клетка перерождается и задает свой ритм организму – неотвратимо перерождается весь организм, потому что она запустила другой принцип работы всего. Если в основе нашего перерождения было истинное и глубинное желание сердца, истекающее из первоначального истока – это перерождение неизбежно распространится на все человечество.

Поэтому у Достоевского ответственность за «тварь, стенающую и мучающуюся донине», которая у Соловьева ложится на отпавшую мировую душу, всецело лежит на человеке. Ибо с того момента, когда Христос своим пришествием восстановил в полноте сущностное единство всего, человеку осталось только прозреть – именно поэтому старец Зосима будет говорить в черновиках: «жизнь есть рай, ключи у нас» (15, 245), повторять за братом: «все мы в раю, да не хотим знать того, а если бы захотели узнать, завтра же и стал бы на всем свете рай» (14, 262). Он констатирует, что мы находимся в ситуации ошибки зрения – о чем Достоевский в «Дневнике писателя» от себя скажет, когда будет описывать роль художника в теле человечества. Говоря о том, что «нам знакомо одно лишь насущное видимо-текущее, да и то понаглядке, а концы и начала – это все еще для человека фантастическое», и о том, что задача «глаза художника» проявлять для человечества «концы и начала» (23, 144–145), то есть

представлять ему действительное положение вещей, которое оно большей частью не в состоянии видеть в силу ограниченности и неизбежной поверхностности своего взгляда, сосредоточенного (и в этом они с Вл. Соловьевым совершенно солидарны) каждым на самом себе и именно поэтому не способного к восприятию реальности. При любой попытке видения человеку эгоистичному удастся выхватить из реальности лишь некоторые блоки, какие-то отрывки и огрызки, потому что любое восприятие, в центре которого стоит «эго», отдельность человека, неизбежно искажает видимое – из-за того, что субъект зрения становится алчно заинтересованным. Алчная заинтересованность совершенно меняет тип восприятия человека, и человек видит мир иным и неспособен прозреть его истинное райское состояние. Для того, чтобы его увидеть, нужно пройти тем путем, который отчасти и описывает и объясняет, а отчасти и демонстрирует в романе «Братья Карамазовы» старец Зосима, потому что его «прованивание» и есть, кроме всего прочего, наглядное соединение с общей плотью и общим грехом, которое происходит в процессе его смерти – и именно пройдя через это соединение, он начинает творить чудеса, которых ожидали при жизни, но которые все совершились после смерти.

Единое тело человечества, единое тело мироздания, это «Бог будет все во всем» доходящее до самых границ мира, а граница мира – это и есть материя, и вот просветление этой материи описано Достоевским уже в 1864 году, хотя вполне отчетливо проявлялось и ранее, в 1862 году, в «Зимних заметках о летних впечатлениях».

Главная ошибка зрения и восприятия человека заключается в том, что он считает, что другой его ограничивает и вытесняет. Но на самом деле – другой дает тебе, позволяет освоить тебе то новое пространство бытия, которое без другого для тебя недоступно. И пока мы не переменим свое отношение, ощущение, свое непосредственное чувство с «другой меня ограничивает» на «другой предоставляет мне пространство, которое я никогда не смог бы освоить без него», – мы будем умирать, задыхаясь в тех искусственных границах, внутри «одежд кожаных», которые видятся нами как единственная настоящая реальность. Смерть – это тоже результат *ошибки, промаха, непопадания в себя самих* (то есть – греха) – недаром Достоевский делает прямые и скрытые отсылки к Элевсинским мистериям одной из главных несущих линий в романе «Братья Карамазовы». Потому что главным в Элевсинских мистериях было научение правильному зрению, правильному видению себя и своей природы. Если ты видишь и знаешь – ты будешь стоять в белых одеждах наверху, объединившись со всеми знающими и видящими, просветляясь единым све-

том, убирающим границы, обозначенные кожаными одеждами – а внизу будут валяться в грязи и смраде, давя друг друга, те, кто пытается удерживать на себе кожаные одежды, свою здешнюю форму, те, кто прикипел к своей здешней форме¹¹. Именно поэтому в Евангелии от Иоанна следующим за: «Истинно, истинно говорю вам, если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода», – будет пассаж: «Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную» (Ин. 12, 25).

Это сказано о нестремлении сохранить свою здешнюю форму, не удерживании ее на себе из последних сил, что и происходит с теми, давящими друг на друга, удерживающими свою отдельность, вместо того чтобы открыться друг другу и соединиться. Потому что для них тоже пошел процесс откровения всеединства, которого уже невозможно не замечать, как было возможно на земле – но они вместо наступившего «избытка жизни», каковым он является, воспринимают его как наступающую вторую смерть.

Таким образом, Достоевский (и Евангелие) говорят нам, что для нас существуют совсем другой вид, совсем другое соединение, совсем другой контакт, совсем другой способ бытия, чем мы привыкли замечать, сосредоточиваясь на «насущном видимо-текущем» – и что мы держимся не за то, за что нужно держаться.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
2. *Зеньковский В.В.* Основы христианской философии. М.: Изд. Свято-Владимирского Братства, 1992. 269 с.
3. *Касаткина Т.* Священное в повседневном. Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
4. *Касаткина Т.* Тайна и мудрость «включительности» // Новый мир. 2018. № 1. С. 211–217.
5. *Одоевский В.Ф.* Повести и рассказы. Примечания Е.Ю. Хин. ГИХЛ, 1959. ???с.
6. *Прийма И.Ф.* Достоевский и Соловьев: проблема влияния // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2016, № 3. С. 94–104.
7. *Соловьев Вл.* Чтения о богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров...»: Краткая повесть об Антихристе. Сост. и примечания А.Б. Муратов. СПб.: «Художественная литература», 1994. 526 с.

¹¹ См. подробнее: *Касаткина Т.* Тайна и мудрость «включительности» // Новый мир. 2018. № 1. С. 211–217.